

«Охраняйте сами ваш театр от всякой «скверны», и сами собой создадутся благоприятные условия для творчества...».

К. С. Станиславский.

ОКОЛО двух лет назад в нашу газету стали поступать письма от актера Владимирского театра Р. Алибекова, в которых было высказано много претензий к главному режиссеру Р. Нагорничных. Не раз Алибеков и сам приезжал в редакцию. Естественно, оставить без внимания жалобы актера было невозможно. Пришлось выехать во Владимир и на месте разобраться в конфликте между актером и режиссером. В итоге появилась статья «Алибеков требует внимания», где отмечалась неопытность главного режиссера в организаторской работе и говорилось, что «товарищам, руководящим искусством в городе, не мешало бы серьезно разобраться в сложившейся в театре обстановке», так как не в одном режиссере было дело.

Спустя некоторое время была создана комиссия, в которую вошли представители Министерства культуры РСФСР и газеты. Они тоже выезжали во Владимир и занимались этим же делом. Тратили время и деньги. Затем в редакции вновь появился Алибеков, которого уволили из театра. Вновь редакция вмешалась, и Алибекова восстановили и даже дали квартиру. Кажется бы, «дело закончено».

Но неожиданно выяснилось, что некоторые товарищи из Владимирского театра решили, что статья была написана только против главного режиссера и что писать в различные инстанции, жаловаться, обвинять и самим не работать, творчески не расти — лучший метод «борьбы» за искусство.

И вновь в редакцию пошли письма. Писал уже не Алибеков, а другие актеры, были и групповые заявления, и не только в нашу газету, но и в Министерство культуры СССР и РСФСР, в редакцию «Правды», в другие авторитетные инстанции, в которых жаловались на директора (весной он был снят с руководства театром из-за финансовых неполадок), на главного режиссера, а затем и на очередного.

Каковы же аргументы и претензии авторов писем?

Начинаются все они композиционно одинаково.

«Меня обеспечили квартирой, дали хорошую роль» (артист С. Николаев). «Мне предоставили и жилплощадь, и интересные роли» (артистка М. Куклина). «Мне предоставили жилплощадь и неплохие роли» (артист А. Яковлев).

Далее:

«Казалось бы, личных претензий нет» (Куклина). «Казалось бы, все хорошо» (Николаев).

Претензии у авторов писем творческого порядка.

«Посмотрев спектакли Нагорничных Р. И. и очередного режиссера Тищенко В. И., пришел к выводу, что спектакли лишены социальной заостренности, жизненной достоверности и порой самой элементарной логики» (Яковлев). «Спектакли лишены элементарной логики и социальной направленности... проработав 6 месяцев, пришел к выводу — режиссура не владеет системой (!)» (Куклина). «В результате своих наблюдений я сделал вывод... спектакли поставленные главным режиссером т. Нагорничных Р. И. очень неинтересные... очень прямолинейные, с не слишком хорошим вкусом и порой с искаженной идейной направленностью» (Николаев).

Что ж, так вполне может быть. Но вот чтостораживает.

Читая письма одно за другим, невольно обнаруживаешь, что они похожи друг на друга, как братья-близнецы.

Кто же они, «творчески и граждански» протестующие, высказывающие «свое отрицательное отношение к методу работы т. Нагорничных»? Все это молодые актеры,

проработавшие в этом театре год, шесть, три месяца. Что сделали они для искусства? Не случайно вспоминаются слова К. С. Станиславского, так обильно цитируемого во Владимирском театре: «В театре очень часто наблюдается такое явление: больше всего требовательны к режиссерам и к начальствующим лицам те из молодежи, которые меньше всего умеют и знают...».

Отбросьте критиканство и всматривайтесь внимательнее в то, что вам дают более вас опытные, хотя бы они и не были одарены гениальностью».

Безусловно, работа главного режиссера Р. Нагорничных оставляет желать лучшего. Не надо ему са-

Одну кричит на режиссера, другой замахивается стулом, третий не учит роли. Как это понимать?

Каждый человек может ошибаться, ошибается иногда и молодой режиссер Тищенко. Ему многому еще надо учиться, набираться опыта, ему нужна творческая помощь, поддержка старших товарищей. А этого он не получает. Интересно, творчески работая, стараясь заставить работать и других, и таких, которые, честно скажем, разленились, отстали и не желают понимать этого, он вызывает у них противодействие. Ведь легко, когда от тебя ничего не требуют, позволяют пользоваться раз и навсегда найденными штампами. Но где же твор-

ОСТОРОЖНО-ТЕАТР!

молчно, без художественного совета приглашать в труппу актеров, не проверив их творческих возможностей, а приглашаются порой актеры, не нужные театру. Но нельзя забывать и о другом. За время работы Нагорничных во Владимирском театре коллектив получил 5 дипломов, из них три — за спектакли, поставленные именно главным режиссером.

Да, были ошибки, были снятые спектакли, но были и успехи. Ведь не ошибается тот, кто не работает.

К тому же после освобождения директора театра Р. Нагорничных по совместительству назначили и о. директора. И вместо помощи со стороны коллектива, партийной и профсоюзной организаций в новом для режиссера амплуа ему мешали, отрывали от работы личными обидами, склоками.

И вот в итоге групповое письмо, подписанное 17 людьми: «Мы считаем, что Нагорничных не может и не имеет права быть главным режиссером».

И снова редакция и Министерство культуры РСФСР вынуждены заниматься «делом» Владимирского театра, как будто, кроме этого коллектива, никаких других и не существует.

ПРИЕХАВ во Владимир, мы ощутили какую-то тревожную, первоздно напряженную обстановку. И это сразу подтвердилось на репетиции «Чайки», которую готовил выпускник ГИТИСа имени А. В. Луначарского В. Тищенко, первый год работающий в театре.

Смотрим первый прогон первого действия чеховской пьесы. Режиссер репетирует интересно, чувствуется его видение будущего спектакля в целом. И вдруг персонажи, отнюдь не главные — Яков и повар (Р. Алибеков, Г. Сергеев), которых режиссер попросил побыстрее пройти по сцене, «взбунтовались», и, как пощечина, неожиданно истеричский крик: «Мы богаты не будем. Во МХАТе не бегают. Я заявление в местком подал, чтобы сняли меня с роли». (Из заявления в местком: «...я отказался богаты по сцене. Это не прихоть. Это мои творческие принципы и мое творческое видение образа Якова... Р. Алибеков»).

Спокойный голос режиссера: «Я прошу вас пройти по сцене побыстрее».

В присутствии посторонних лиц (а может быть, специально для нас была разыграна эта сцена) произошел этот неблагоприятный инцидент. Чего требовал режиссер? Попросил побыстрее пройти по сцене. И сделать это было необходимо, ибо Яков и повар выбивались из ритма действия.

чество, тайный для зрителя, святой для искусства мучительный процесс на репетициях и дома?

Много говорится об этике, о системе Станиславского. Но обратимся вновь к Станиславскому: «...в театр нельзя входить с грязными ногами. Грязь, пыль отряхивается снаружи, калоши оставляйте в передней вместе со всеми мелкими заботами, дразгами и неприятностями, которые портят и отвлекают внимание от искусства».

Но вместо того, чтобы работать, стремиться понять замысел режиссера, думать, искать, творчески спорить, находятся актеры, которые скандалят, вынося на суд местного комитета дразги, личные обиды.

Так, на местном обсуждалось поведение режиссера В. Тищенко, якобы сорвавшего репетицию «Чайки». Может быть, Тищенко в плохом настроении не захотел работать? Нет. Оказывается, А. Боккова, репетирующая Аркадину, была оскорблена просьбой режиссера пластичнее двигаться. Не желая терпеть подобные издевательства, она, схватив стул, замахнулась на В. Тищенко. Репетиция, естественно, прекратилась.

И председатель месткома А. Боккова, пользуясь своим положением, которого она явно недостойна, выносит на заседание месткома, не поставив в известность художественный совет, этот инцидент в извращенном виде: «Режиссер Тищенко В. И., с моей точки зрения, пропагандирует в нашем театре условно-формалистический метод работы» — вот ее аргумент.

Что же это за метод? Оказывается, Тищенко предложил работать над пьесой этюдным методом. Но этюдный метод — отнюдь не формализм. Вспомним — этюды предложил К. С. Станиславский, затем это продолжили наши замечательные мастера А. Д. Попов и М. О. Кнебель, которые никогда формотворчеством не грешили.

Хочется посоветовать некоторым товарищам заглянуть в словарь, почитать литературу об искусстве, разобраться в терминологии.

Но вернемся к заседанию месткома, на котором было принято следующее решение:

1. Просить директора вынести административное взыскание Тищенко... (!).

2. Просить временно прекратить репетиции «Чайки» (!).

3. Просить художественный совет рассмотреть вопрос о творческом методе Тищенко (!).

Странное положение. Местный комитет, игнорируя художественный совет, минуя руководство, не только вмешивается в творческие процессы, но и диктует свои условия работы театра.

И ВОТ еще пример «творческого состояния» театра. Этим летом Владимирский театр хорошо работал на гастролях в Иванове и в Дзержинске. Затем гастрольные пути привели его в Муром.

Мы приехали в Муром в день открытия гастролей. На афише — «Дело, которому ты служишь» Ю. Германа в постановке Р. Нагорничных. По мнению коллектива, удачный спектакль. В 7 часов, когда должен был открыться занавес, в зрительном зале было пусто. Пусто, потому что зрители, пришедшие на спектакль, стояли на улице у дверей Дома культуры. Открытие гастролей задерживалось, так как в Муром пришла машина с декорациями и реквизитом другого спектакля — «Королевский брадобрей». Стучайно ли это? Накануне приехавший сюда зав. постановочной частью уехал во Владимир и не вернулся к началу гастролей. Не приехал и машинист сцены. Театр лихоразило. Но нашлись в постановочной части люди, которые понимали, что значит срыв гастролей. Для них престиж театра, искусства был выше мелких склок. И главный режиссер, и о. директора театра Нагорничных сделали все, чтобы открытие гастролей состоялось, хотя спектакль начался почти на час позже. А в это время некоторые актеры потирали с радостью руки, предвкушая срыв.

Как это могло произойти?

Стыдно, до боли стыдно! До чего могут дойти люди во злобе. И во имя чего? Снять главного режиссера? Заклеймить очередного? Но нельзя же забывать о чести, долге, нравственности советского актера, о творчестве, о своей совести в конце концов. А именно об этом здесь не думают. И явственнее всего это подтвердилось на многочасовом собрании труппы, где присутствовали начальник областного управления культуры А. Елисейев, инспектор И. Горбунов, представитель министерства В. Бехтин.

Никаких творческих проблем не было поднято. Один наговорил: «Он сказал то-то, другой — то-то». Но тенденциозность ощущалась — кто бы что ни говорил, в основном почти все связывалось с руганью в адрес главного и очередного режиссеров. «Надо однажды и навсегда понять», — писал К. С. Станиславский, — что перебирать на людях грязное белье — невоспитанность, что в этом сказывается отсутствие выдержки, неуважение к другим людям, эгоизм, распушенность, дурная привычка.

Но были, к нашей радости, и здравые высказывания. В. Плещинев:

«Надо посмотреть на себя, а не сваливать вину на главного режиссера... То, что происходит в театре, отражается на творчестве».

Е. Капустина:

«Мне странно видеть, что никто не хочет работать, думать...».

И. Мартемьянова:

«Надо взглянуть объективно: наш театр не любит режиссеров...».

Заслуженная артистка РСФСР О. Денникова:

«Много говорят о чести, совести. А где они? Тищенко съезжают. Товарищи, будьте людьми! Товарищи коммунисты театра, куда же вы смотрите?».

Вот именно те, которые должны были быть впереди всегда, нести главную нравственную ответственность и за коллектив, и за творчество, оказались не на высоте. Что сделали они для того, чтобы положение в театре изменилось?

Областному управлению культуры и руководству театра (сейчас назначен новый директор) надо, наверное, от увещаний перейти к более решительным мерам, оставив либерализм в стороне, привести коллектив в творческое состояние, пойдя даже и на крайние меры — реорганизацию. Иначе нельзя. Этого требует дело.

Н. МОИСЕЕНКО,
спец. корр. «Советской культуры».

ВЛАДИМИР — МУРОМ.